

**КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА, ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ
И РЕПРЕССИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПРОТИВ СТАРООБРЯДЦЕВ
СТАРОДУБЬЯ И ВЕТКИ В 1920–1940 ГГ.**

© 2019 М. В. Кочергина

канд. ист. наук, доцент
e-mail: kochergina_mv@mail.ru

Московский финансово-юридический университет

Статья посвящена малоизученным вопросам конфискации имущества, лишения избирательных прав, репрессий советской власти против представителей русского старообрядчества в 1920–1940 гг. на территории древних духовных центров – Стародубья и Ветки – сопредельных территориях России, Украины и Белоруссии. Жестокое преследование старообрядцев было связано с непризнанием ими событий Октября 1917 г.

Ключевые слова: конфискация имущества, лишение избирательных прав, репрессии, старообрядцы, Стародубье и Ветка, преследование

Тема конфискации имущества, лишения избирательных прав, репрессий советской власти против старообрядчества является малоисследованным аспектом истории нашего Отечества. Она находилась под запретом и практически не была изучена в советской историографии. Российские исследователи на рубеже XX–XXI вв., уделяя большое внимание истории раскола и старообрядчества в XVII–XIX вв., стали освещать и сложные аспекты истории старообрядчества в XX в.: участие старообрядцев в Февральской революции 1917 г., Белом движении, Великой Отечественной войне, а также вынужденной эмиграции старообрядцев из Советской России [Апанасенок, Симоненков 2012; Куприянова 2013].

Автор данного исследования на протяжении многих лет ведет поиск материалов о конфискации имущества, лишении избирательных прав, репрессиях против старообрядцев Стародубья и Ветки в указанный период. На основании изучения архивных документов как из государственных так частных собраний, опросов местного населения, воспоминаний старообрядцев, сведений, полученных от потомков старообрядца-иконописца В.А. Родионцева – Т.В. Родионцевой, краеведа О.Г. Каменецкого, собран материал, позволяющий проследить механизм репрессий советской власти против старообрядцев. Частично этот материал был опубликован автором в монографии [Кочергина 2011].

Задачей данного исследования является показать сложные процессы трансформации общественных отношений в 1920–1940 гг. и механизм изъятия имущества, лишения избирательных прав, репрессий советской власти против наиболее активной, трудоспособной части общества – русских старообрядцев, которые на протяжении длительного исторического периода второй половины XVII – начала XX в. сохраняли этно-конфессиональное единство, традиционный хозяйственный уклад на сопредельных территориях России, Украины и Белоруссии. Согласно дореволюционному административно-территориальному делению, это были территории Черниговской и Могилевской губерний России, где старообрядческие общины проживали со второй половины XVII в. Находясь в сложных природно-географических условиях, старообрядческие общины Стародубья занимались промыслами и торговлей, а затем промышленным предпринимательством.

Старообрядцы Ветки занимались промыслами, торговлей и сельским хозяйством. Традиции хозяйственной деятельности продолжили и выходцы из старообрядческой среды – единоверцы. На свои собственные средства старообрядцы и единоверцы Стародубья создали во второй половине XIX – начале XX в. мощный промышленный потенциал, основали новые отрасли промышленности в этом крае – суконное и спичечное производство, опираясь не только на экономические, но и духовные контакты и связи со своими сторонниками по вере в различных регионах дореволюционной России. В период первой русской революции старообрядцы были уравнены в правах с остальным населением. Старообрядческие общины получили статус юридических лиц. В 1905–1917 гг. они по всей стране занимались строительством храмов, школ, больниц, богаделен. Меценатская и благотворительная деятельность старообрядцев касалась не только Москвы и Санкт-Петербурга, но и городов, посадов (торгово-ремесленных поселений), сел в провинции [Костров 2010].

Как известно, старообрядцы приветствовали события Февраля 1917 г. Выдающиеся представители старообрядчества – А.И. Гучков, А.И. Коновалов принимали активное участие в Февральской революции. Однако летом 1917 г. Временное правительство взяло курс на поддержку официальной православной церкви. В созданном им министерстве исповеданий руководящие посты были заняты представителями синодальной церкви. Это отпугнуло членов старообрядческих общин по всей России. Старообрядцы не приняли событий Октября 1917 г. На территории Стародубья и Ветки в октябрьских событиях активное участие принимали леворадикальные партии – РСДРП, Бунд, партия социалистов-революционеров и партия социалистов-сионистов.

После революции, Гражданской войны и интервенции (эти территории по условиям Брестского мира были заняты австро-германскими войсками) произошло изменение административно-территориального деления. Бывшие территории северных уездов Черниговской губернии и сопредельных территорий Могилевской губернии – старообрядческие поселения Стародубья и Ветки вошли в состав Гомельской (1923 г.) и Брянской губерний (1926–1928 гг.). Были воссозданы органы советской власти, начались изменения в социальной структуре общества. Однако характерной чертой старообрядческих этноконфессиональных общин являлись медленные темпы изменения традиционного уклада. В первые годы советской власти можно говорить о полном разрушении традиционных хозяйственных связей и производства, созданного в этом регионе старообрядцами и единоверцами на протяжении XIX – начала XX в. Крупные промышленники и предприниматели старообрядческих посадов Стародубья и Ветки не приняли советской власти. Большевики заставляли выплатить большую контрибуцию за собственные предприятия фабрикантов (Барышниковых), которые жертвовали деньги на нужды Добровольческой армии генерала Деникина, выделяли большие денежные средства на закупку продовольствия для жителей посада Клиницы в период иностранной интервенции и Гражданской войны. Фабриканты считали, что новая власть будет недолговечной. После падения «режима большевиков» предприниматели не оставляли надежды в короткий срок восстановить деятельность предприятий и их снабжение сырьем на юге России, думая об общегосударственной пользе в период 1918–1919 гг. Однако в сложившихся условиях, большинство из бывших владельцев было вынуждено покинуть эти территории.

Сельское население испытало на себе тяжести продразверстки. Это вызвало протесты со стороны старообрядцев. В 1920-х гг. началось обложение сельхозналогом, причем обложение сельхозналогом предполагало его постепенное увеличение. Партийные и советские органы должны были усилить разъяснительную работу среди сельского населения, агитацию и пропаганду для предотвращения волнений в связи

с увеличением налога за счет «благополучных районов, не пострадавших от недорода». В состав благополучных районов была отнесена Гомельская губерния с уездами, в которых традиционно проживало старообрядческое население. В 1924–1925 гг. произошло увеличение разряда по налогообложению для Гомельской губернии. Сумма налога в 1925 г. составляла 600 000 рублей, что свидетельствовало о ее увеличении на 11–12%. Уезды, где проживало старообрядческое население, имели разную степень обложения и дифференцированную скидку. Однако общая сумма налогообложения была достаточно большой, что требовало усиления пропаганды и агитации со стороны партийно-советских органов для воздействия на население [Кочергина 2011: 368–369].

Традиционно старообрядчество в дореволюционной России опиралась на казачество, крестьянство и кулачество. Первые репрессии против старообрядцев были связаны с казачеством. Оно должно было быть уничтожено советской властью сразу же после революции. 24 января 1919 г. по инициативе председателя ВЦИК Я.М. Свердлова была принята секретная директива ЦК РКП (б) «Об истреблении казачества». Но процесс уничтожения казачества затянулся до середины 1920 гг. Старообрядцы Стародубья и Ветки поддерживали тесные духовные контакты и связи с донским казачеством. После военной службы многие казаки становились насельниками старообрядческих монастырей как в Стародубье, так и Ветке. Среди сторонников лужковского согласия (находившегося в посаде Лужки Черниговской губернии) было много донских казаков. Из среды казачества происходили выдающиеся представители стародубского старообрядчества. Козьма Трофимович Смирнов, донской казак Есауловской станицы (1797–1884), выйдя в отставку после военной службы, принял иночество (инок Конан), поселился отшельником в землянке неподалеку от посада Лужки Черниговской губернии, где прожил таким образом пять лет. Подвижническая жизнь, большая начитанность и кротость характера вызвали большое уважение среди местных жителей – старообрядцев. Позже он стал епископом Новозыбковским (Черниговским) Древлеправославной церкви Христовой (старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию). Донские казачьи дочери, вдовы казаков были насельницами старообрядческих монастырей и скитов Стародубья, многие из них были мастерицами религиозного шитья и вышивки – «живописи иглой». Духовные контакты и связи донских казаков со старообрядцами из Стародубья поддерживались до революции 1917 г. Следовательно, в изучаемый период старообрядчество этого региона лишилось своей опоры в лице донских казаков.

Ломка традиционного уклада сложившейся хозяйственной системы стала происходить лишь на рубеже 20–30-х гг. XX в. В 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулаческих хозяйств в районах сплошной коллективизации». Новая политика советского правительства в первую очередь ударила по старообрядчеству – ядру зажиточного крестьянства. Постановление предполагало заключение «кулаков» в концентрационные лагеря либо высылку в отдаленные местности СССР. В течение года практически все передовые и богатые крестьянские хозяйства были уничтожены. Наиболее активные и состоятельные крестьяне были репрессированы либо вынуждены были покинуть родные края. Поэтому вторая социальная опора старообрядчества – зажиточное крестьянство – была также уничтожена [Там же: 370].

Лишение избирательных прав стало действенным средством изменения социальной структуры общества. Люди, лишённые избирательных прав, автоматически становились гражданами «второго сорта», лишенцами. Нередко лишение избирательных прав являлось основанием для дальнейших репрессивных действий против данного лица [Валуев 2003]. В Злынковской волости Новозыбковского уезда лишенцами были бывший фабрикант Фома Вдовин, бывший предприниматель Вавила

Щербаков, священники Семен Попов, Антоний Донцов, псаломщик Илья Ковалев, торговцы Иван и Илья Санниковы [Кочергина 2011: 357].

В 1920-х гг. в обстановке возраставшего динамизма жизни старообрядческая общность постепенно теряла свой сплоченный характер. Имущественное и социальное расслоение общества привело к разобщению членов старообрядческих общин. Ликвидация старообрядческих духовных центров – старообрядческих монастырей, скитов в конце 1920 гг. способствовала утрате единого молитвенного общения. Более всего советская власть пыталась воздействовать на молодое поколение старообрядцев, на его беднейшие слои, на женскую половину старообрядческих общин. Для этого усиливалась культурно-просветительная работа среди старообрядцев. Например, по данным рабкора Г.А. Ковалева, в посаде Климов проживало в ноябре 1925 г. 6 000 человек. Из них 92% составляли старообрядцы, 5, 5% – евреи, 1,25 % – атеисты и православные. В посаде имелось 5 церквей и синагога. Однако появившиеся в посаде рабоче-партийный, комсомольский и пионерский клубы, кинотеатр являлись мощными факторами воздействия на местное население. При рабоче-партийном клубе действовал драматический кружок, который ставил революционные пьесы. Агитаторы читали лекции и доклады, издавалась стенгазета. В этом клубе была и своя библиотека, для которой выписывались газеты и журналы. 60% посетителей кинотеатра приходилось на старообрядческую молодежь. Посещаемость клуба старообрядцами доходила до 70–80% от общей массы посетителей. Для усиления борьбы «с религиозным невежеством» проводилась активная атеистическая пропаганда и агитация, молодежь заставляли вступать в пионеры и комсомол. Из бывших старообрядцев посада Климов происходило 15 партийцев, 30 комсомольцев, 40 пионеров. Среди женщин Новозыбковского уезда работали активистки-комсомолки, пропагандирующие образ советской женщины – борца за равные с мужчинами права. Свидетельства этому содержатся в мемуарах Т.В. Зинченко (ЧарнолуССкой), воспоминаниях М.А. Титовой, архивных документах. Атеистическая пропаганда препятствовала распространению религиозных взглядов. Рабкор Г.А. Ковалев отмечал: «С каждым днем все больше и больше пустеют церкви, тогда как раньше они были переполнены. Все меньше граждан, и не только молодежи исполняют посты, а многие их совсем бросили. Многие бреют бороды. Курит поголовно вся молодежь» [Старовойтов 2003: 260–263].

Но в 1920-х гг. старообрядчество еще глубоко сохранялось в традиционной народной среде. Отношение к советской власти и революции было критическим. Старообрядцы считали, что к власти пришел антихрист и настал конец света. Однако «старообрядческая молодежь сразу пошла за революцией, хотя не совсем ее осознавала». Целостность старообрядческой общины была подорвана ограничением индивидуальной хозяйственной деятельности и размахом атеистической пропаганды среди населения. Старообрядческая молодежь стремилась получить образование, приобщалась к новым для нее ценностям. Не случайным, по нашему мнению, является открытие в 1930 г. Новозыбковского агропединститута в здании бывшего Новозыбковского реального училища. Из среды старообрядческой молодежи выходили первые представители советской интеллигенции (Белугины, Белокопытовы) – учителя, врачи и инженерно-технические работники. М.А. Титова (Булло) (1913–2004) – одна из первых пионерок и комсомолок Володарского поселка, студентка первого набора учителей истории Новозыбковского агропединститута 1932 г., участвовала в ликвидации неграмотности среди женщин Новозыбковского уезда. В 1932 г. она проводила среди женщин-старообрядок села Шеломы политбеседы о международном положении СССР, о необходимости проведения индустриализации, коллективизации и культурной революции. Т.В. Зинченко (ЧарнолуССкая) – инструктор по культурно-

просветительной деятельности, автор воспоминаний «Школа и жизнь» – во время Первой мировой и Гражданской войны находилась на территории северных уездов Черниговской губернии. Принимала участие в ликвидации неграмотности, культурно-просветительской работе среди населения Новозыбковского уезда.

В начале 1930 гг. репрессивные меры против старообрядцев ужесточаются, начинается широкая кампания по конфискации зданий и сооружений, ранее принадлежавшим богатым и зажиточным старообрядцам Стародубья. В посаде Воронок в 1930 г. были конфискованы дома и складские помещения у бывших купцов Алейнова и Вонифатия Карамина. Дом последнего был деревянным, оштукатуренным, на кирпичном фундаменте с двумя подвалами. Общая площадь дома составляла 70 квадратных метров. Эти добротные здания, с большой внутренней площадью, изымались у прежних хозяев за неуплату госналогов. Конфискация жилых помещений под нужды строящегося маслозавода у потомков иконописца и священника Богоявленской церкви Василия Родионцева в этом же населенном пункте проходила в начале 1940 г. [Кочергина 2011: 366]. Очень наглядно процесс изъятия церковных зданий и сооружений бывших старообрядческих и единоверческих церквей можно проследить на примере Малиноостровского монастыря. В документах Злынковского волисполкома в 1928 г. отмечалось, что Малинов Остров, где находятся две церкви, являлся монастырем, построенным на средства злынковской буржуазии – Осипова и Шведова. Он подлежал национализации. По решению волисполкома, здание изымалось из собственности религиозной общины и передавалось под нужды школы. Идеологическое воздействие на население было столь мощным, что решения об изъятии церковных ценностей, переоборудовании церковных зданий под Красные уголки, различные культурно-просветительные учреждения принимались на основе решения общих собраний трудящихся. Но здание большой церкви в бывшем Малиноостровском монастыре пришло в ветхость и угрожало обвалом. Было предложено волисполкому разобрать это строение на слом. Вторую же церковь – малую – предлагалось передать рабочему поселку фабрики «Ревпуть» под школу. Монахини должны были быть выселены из монастыря. Колокол среднего размера передавался под нужды пожарной дружины [Там же: 380–381].

Создание коллективных хозяйств сопровождалось усилением репрессий против тех, кто не желал это делать. Действительно, к 1932 г. как на территории Стародубья, так и на территории Ветки произошло создание колхозов. Однако процесс их создания был достаточно сложным. Наблюдались случаи распада отдельных коллективных хозяйств. В резолюции пленума Климовского районного комитета ВКП(б), опубликованной в газете «Колхозный путь» от 1 июля 1932 г., отмечался «недостаточный рост коллективизации (45,5%), наличие распада отдельных колхозов, низкий уровень укрепления колхозов и работы с беднотой и очищения колхозов от классово-чуждых элементов». В связи с этим пленум Климовского райкома ВКП(б) обязывал партийные ячейки, сельские советы, общественные организации «вести решительную борьбу с попытками кулачества сорвать прополочную и уборочную кампанию, проводя ежедневную разъяснительную работу среди колхозных, бедняцко-средняцких и единоличных масс». Крепкие единоличные хозяйства старообрядцев не нуждались в руководстве со стороны партийных функционеров. Это приводило к распаду коллективных хозяйств, «подрыву идеологической работы на селе». Старообрядцы стремились сохранить сложившуюся традиционную систему хозяйственной деятельности, однако именно в этот период начались репрессии против старообрядцев-крестьян, не желавших вступать в колхозы. В 1932–1936 гг. для раскулаченных крестьян возле посада Клинец был создан лагерь. Под него приспособили бывший старообрядческий девичий Успенский монастырь. «Сколотили забор из толстой доски, поверх забора натянули проволоку. Поставили вышку.

В лагере держали не бандитов и убийц, а простых крестьян. Через несколько лет, когда простых крестьян сослали на поселение, бывший лагерь был передан горзавотделу для пригородного хозяйства» [Храмченко, Перекрестов 2004: 298]. Приведенные примеры показывают, какое жестокое давление старообрядцы испытывали на себе в 1920 – начале 1930-х гг. Старообрядческая молодежь стремилась получить образование, приобщалась к новым для нее ценностям. Однако основная работа по идеологическому воздействию на население была связана с организацией работы школ, просвещением. Атеистическое воспитание предполагало изъятие предметов религиозного культа из частных домов, принадлежащих учителям, и из помещений школ, в которых размещался технический персонал учебных заведений. Иконы «заменяли на портреты вождей революции и лозунги, написанные от руки большими буквами». Эти портреты украшали школьные здания и культпросветучреждения. Пункты по ликвидации безграмотности не предусматривались в тех поселениях, где не было детей школьного возраста и молодежи.

Репрессиям подверглась значительная часть старообрядчества, представители священства и старообрядцы-миряне. Священник из посада Воронок Михаил Иванович Масляев в 1920-х – начале 1930-х гг. до последних дней отправлял требы, не покидал свою паству. В 1930 г. у него был конфискован деревянный дом на кирпичном фундаменте, покрытый железом. Конфискация была связана с неуплатой госналогов. Несмотря на то что дом был построен в 1874 г., он был достаточно прочным и имел общую площадь 80 кв. метров. Здание было передано райкомхозу. В нем разместились три семьи. Однако, Михаил Масляев не оставлял свою паству: на фотографии 1936 г. он служит поминальную службу по одной из своих прихожанок. В 1937 г. М. Масляев был репрессирован. Жена о. Михаила – Евдокия Масляева очень тяжело перенесла утрату семейного состояния. Последние годы жизни, после того как муж был репрессирован, вынуждена была жить у чужих людей.

Родная тетьа митрополита Древлеправославной церкви Христовой Иннокентия (Усова), уроженка посада Святск Анастасия Усова была сослана в 1934 г. за связь с племянником, приславшим ей пасхальное поздравление. Ее дом находился недалеко от святской моленной. Она очень хорошо пела по крюкам, была знатоком знаменного распева. Вместе с ней были сосланы жители Святска Александр Капустин и Худяков. Больше в Святск они не вернулись. Митрополит Иннокентий (1870–1942), в миру Иван Григорьевич Усов, выдающийся старообрядческий писатель и апологет, иконописец, происходил из святских мещан. Анастасия Усова оставалась его последней родственницей, жившей на родине в Святске. Пасхальное поздравление и весточка от него из Румынии стали причиной физической расправы над ней. Сам митрополит находился в изгнании, где духовно окормлял своих сторонников по вере – русских старообрядцев. Однако, несмотря на весь характер жестоких мер, предпринятых органами советской власти против старообрядцев Стародубья и Ветки, они смогли зарегистрировать свои общины и возродить духовно-религиозную деятельность после Великой Отечественной войны. В годы войны они встали на защиту своей Родины.

Итак, в результате проведенного нами исследования мы пришли к следующим выводам.

1. После революции, гражданской войны и военной интервенции можно говорить о полном разрушении традиционных хозяйственных связей и производства, созданного в этом регионе старообрядцами и единоверцами на протяжении XIX – начала XX в. Крупные промышленники и предприниматели старообрядческих посадов не приняли советской власти. Они отказались платить большевикам контрибуцию за собственные предприятия, жертвовали деньги на нужды Добровольческой армии генерала Деникина, выделяли большие денежные средства на закупку продовольствия для жителей посада Клиницы в период иностранной интервенции и Гражданской войны.

Привлечение представителей старообрядчества к урегулированию вопросов обеспечения населения продовольствием подчеркивало общественную значимость их деятельности в период тяжелых испытаний.

2. В 1920-х гг. старообрядческая общность постепенно теряла свой сплоченный характер. Ликвидация старообрядческих духовных центров способствовала утрате единого молитвенного общения. Старообрядчество утратило свою традиционную опору в таких слоях общества, как купечество, крестьянство, казачество. Советская власть пыталась воздействовать на молодое поколение старообрядцев, на его беднейшие слои, на женскую половину старообрядческих общин. Для этого усиливалась культурно-просветительная работа среди старообрядцев.

3. В 1930–40-х гг. органы власти на местах конфисковывали у старообрядцев жилые дома, хозяйственные сооружения. Несогласные с этим подвергались гонениям, ссылкам. Старообрядцы стремились сохранить сложившуюся традиционную систему хозяйственной деятельности. Органы советской власти проводили репрессии против старообрядцев-крестьян, не желавших вступать в колхозы. Старообрядческие святыни – монастыри – местные власти обращали в лагеря для заключенных. Репрессии против старообрядцев проводились вплоть до начала Великой Отечественной войны.

4. В годы войны старообрядцы Стародубья и Ветки проявили патриотизм и мужество, многие из них были участниками боевых действий. После войны старообрядцы возрождали духовно-религиозную деятельность, регистрировали общины.

Библиографический список

Апанасенок А.В., Симоненков К.В. «Старообрядческий вопрос» в жизни предреволюционной России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Вып. 3. Т. 4. С. 109–118.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2003. 22 с.

Козлов В.Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX века (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Языки культуры, 1999. 480 с.

Костров А.В. Эволюция старообрядчества Байкальской Сибири в 1905–1941 гг.: автореф. диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. Иркутск, 2010. 46 с.

Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760–1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Брянск, 2011. 451 с.

Куприянова И.В. Революция и гражданская война – годы политического самоопределения старообрядчества Алтая // Мир науки. Культуры, образования. 2013. №5 (42). С. 369–373.

Старообрядчество. Иллюстрированная энциклопедия. М.: ФАС–медиа, 2005. 168 с.

Старообрядчество в современной России. URL: http://ruvera.ru/articles/staroobryadchestvo_rossii (дата обращения: 25.10.2018).

Старовойтов М.И. Изучение старообрядчества Новозыбковского уезда Гомельской губернии партийно-советским активом (середина 20-х гг. XX века) // Старообрядчество как историко-культурный феномен: материалы Междунар. науч.-практич. конф. 27–28 февраля 2003. Гомель, 2003. 312 с.

Храмченко П.М., Р.И. Перекрестов. Мои Клинцы. Клинцовский летописец: сб. Кн. 1. Клинцы: Изд. Клинцов. гор. тип., 2004. 501 с.